

Скелет Христа

Фильм с Антонио Бандерасом, который я недавно посмотрел, называется «Тело» (*The Body*), но никакого тела в фильме нет. Речь о скелете в случайно разрытой гробнице, который по многим признакам совпадает с тем, каким бы выглядел скелет Христа, если бы Он не воскрес: дата захоронения, следы распятия и т. д.

Раскопки ведёт авторитетный израильский археолог Шарон Голдбан (Оливия Уильямс). Встревоженный Ватикан посылает на разведку молодого священника-иезуита с боевым прошлым, о. Метью Гутьереса (Антонио Бандерас). И куча приключений.

Сразу скажу, что фильм смотрелся с интересом и удовольствием. Великолепная игра актёров, замечательная режиссура, безупречные мизансцены, выразительные персонажи, даже самые эпизодические... Словом, к съёмочной группе нет никаких претензий.

Претензии возникают по поводу некоторых погрешностей против достоверности: скажем, вход в покои высокопоставленного кардинала в Ватикане охраняют стоящие навытяжку швейцарские гвардейцы с алебардами... — Позвольте усомниться! Насколько мне известно, швейцарские гвардейцы несут караул в своих живописных костюмах только по периметру Ватикана; внутри они выглядят и действуют, как обыкновенные *секьюрити*. Но здесь понятная и даже, может быть, оправданная уступка в пользу зрелищности. Кино есть кино!

Менее оправданной мне кажется уступка в ту же пользу в случае с главной героиней: слишком уж она молода и свежа для маститого археолога! При этом она ещё вдова и мать двоих детей. По ходу дела она признаётся, что выбрала профессию археолога уже после смерти мужа. Детей показывают мельком, но им, как видно, лет 8-10. Значит, со смерти мужа прошло не больше восьми лет, скорее, меньше. И когда же она в таком случае успела получить образование и приобрести своё солидное реноме? И сохранить при этом свою изящную фигуру? — Коренастая обветренная баба лет пятидесяти выглядела бы на её месте куда как достовернее, к тому же, это избавило бы фильм от пусть очень приглушённой и ненавязчивой, но всё же явственной эротической составляющей, в контексте данной проблематики всё-таки совершенно неуместной. Физическая привлекательность оппонентки не должна была бы влиять на реакции оказавшегося в критическом положении священника.

Но фильм снимался довольно давно, вышел в 2001 году, в те времена совсем обходиться без эротической составляющей в зрелищных фильмах ещё не умели. Сегодня бы уже рискнули.

Главная критика, однако, относится к тому, почему же положение священника (и других персонажей, и самого Ватикана) выглядит в фильме настолько критически? Что, собственно, произошло?..

Расскажем поподробнее. Иерусалимский лавочник-палестинец собрался расширить свой подвал. И неожиданно наткнулся на древнюю гробницу. Прознали власти Иерусалима — как, фильм умалчивает: то ли сам лавочник сообщил, то ли соседи разболтали, но власти так или иначе прознали и прислали археологов, вернее, археолога, нашу героиню. Весь фильм она в раскопе действует практически одна: в начале ещё показаны какие-то помощники и работяги, что вынули все кубометры грунта, но потом их больше в кадре не видно. Видна охрана, израильские солдаты под командой человека в штатском, но охрана регулярно уходит на обед, и этим пользуются то еврей-ортодоксы, то палестинцы, чтобы похитить экспонаты.

Едва возникнув в кадре, археолог наклоняется и прямо с пола гробницы, из-под нетолстого слоя пыли, подбирает первую находку: древнюю монету. Ну, прямо как в фильме «Полицейские и воры», помните? — «Посмотрите, синьор американец, что я только что подобрал на Форуме! Это сестерций, римская монета, её, должно быть, выронил из кармана тоги сам Юлий Цезарь!».

Ну, а эту, видимо, сам Понтий Пилат. Во всяком случае, монета его времени.

Дальше — больше. Открывается ниша, а там, на каменном ложе, скелет.

Что заставляет думать, что это может быть скелет Самого Христа? — Доводы следующие: во-первых, монета. Во-вторых — следы распятия, ржавчина от гвоздей на костях. Голени не перебиты, так же, как у Христа. Наконец, гробница богатая, а распинали обычно всякую гольтьбу: как же распятый мог сюда попасть? В дальнейшем ещё найдут след от копья на рёбрах и от шипов тернового венца на черепе. Для стопроцентной идентификации как будто маловато? — Авторам фильма или, по крайней мере, персонажам, кажется, однако, что вполне достаточно. Во всяком случае, присланный властями Иерусалима независимый эксперт-археолог, который оказался заодно священником-доминиканцем, спускался в пещеру, снисходительно поглядывая на Шарон Голдберг, а вот вернувшись на поверхность, еле дышал: его проняло. Проняло настолько, что он полностью утратил душевное равновесие и вскоре покончил с собой, картинно бросившись с высокой стены своего монастыря прямо на глазах у о. Мэтью.

Почему же в таком случае мне кажется, что данных маловато для идентификации? — А вот смотрите! Монета? — Однако монеты находятся в обращении отнюдь не только в год своей чеканки, но и много лет спустя, и даже степень истёртости даёт для датировки не так уж много: могла лет 20-30 пролежать у кого-то в кубышке!

Следы распятия? — Но сами же персонажи часто повторяют, что римляне распинали много, стало быть, встретить следы распятия не диво. Не перебиты голени? — А кто сказал, что голени должны быть перебиты? Как раз наоборот, голени у распятых, чтобы муки сократить, обычно вовсе не перебивали, не страдали римляне таким человеколюбием! Распятый, как правило, мучился на кресте трое-четверо суток; потому-то Пилат и удивился, узнав, что Иисус уже умер так скоро. А Евангелия подчёркивают, что двум другим распятым перебили голени только потому, что казнь пришлась на канун еврейской Пасхи, «дня великого», и нельзя было оставлять казнённых на кресте. Т. е. именно перебитые голени были чем-то исключительным, а в обычных случаях они должны были оставаться как раз целыми.

Богатая гробница? — Но прежде, чем спешить отказываться от мировой религии с тысячами свидетелей и миллиардами последователей, гораздо легче предположить, что то ли римляне на этот раз всё-таки распяли богатого, то ли у ещё одного бедняка нашёлся богатый покровитель, подобный Иосифу Аримафейскому, евангельский текст о котором в фильме цитируется... В Евангелии, однако, не говорится, что Иосиф Аримафейский был последним благотворителем на свете. Наоборот, с распространением Евангелия их на свете стало гораздо, гораздо больше!

След от копья? — Но логично предположить, что римляне должны были нередко прибегать к этому методу перед снятием с креста, вроде «контрольного выстрела»: действительно, не врача же звать ко всякому босяку, чтобы он смерть констатировал!

Наконец, следы шипов? — А тут забавнее всего, как их обнаружили: является вызванное Шарон мировое светило, спускается в гробницу, наклоняется над черепом и буквально за пять минут, при свете фонарика, выдаёт заключение: на черепе множественные следы укулов острыми неметаллическими предметами... И тут даже стойкий отец Мэтью всерьёз заколебался. Между тем, позвольте не позволить! Через две тысячи лет, вот так, на глазок, отличить следы укулов от следов естественной эрозии? — Никакое мировое светило не позволило бы себе такой категоричности! Лексикон ответственного учёного другой: «можно предположить...»; «следы напоминают...»; и непременно: «необходимы лабораторные исследования»!

А к лабораторным исследованиям у персонажей отношение просто благоговейное. Вот характерный пример: о. Мэтью, или Мэт, как фамильярно зовёт его Шарон, измеряет высоту скелета и не без удовлетворения в голосе произносит:

— 165 сантиметров! На 12 сантиметров меньше.

— Меньше чего? — спрашивает Шарон.

— Меньше, чем на Туринской плащанице! — отвечает о. Мэтью. Что тут началось!

Шарон пулей вылетает из подвала, вскакивает в свой джип, сейчас умчится, о. Мэтью едва за ней поспекает, пытаясь выяснить, в чём дело. От возмущённой женщины, как всем известно, не так-то легко бывает добиться хотя бы объяснить причину возмущения. Отцу Мэтью это удаётся, прежде всего, за счёт того, что с его стороны нет никакой ответной

агрессии, возмущения. Он только кротко спрашивает, в чём дело? Он вообще замечательный человек, наш о. Мэтью, весь фильм ведёт себя безупречно и с достоинством, даже при явной опасности. Мне бы хотелось быть на него похожим.

Шарон снисходит до объяснений:

— Туринская плащаница это средневековая подделка, об этом всем известно!.. — и о. Мэтью не возражает. Во-первых, перед ним женщина в расстроенных чувствах, спорить с которой попросту неловко. А во-вторых и в главных, он ведь не учёный, о. Мэтью, кто его знает, может, и вправду подделка? Тем более, незадолго перед тем проводился радиоуглеродный анализ, который дал такие результаты, что даже Архиепископ Туринский сокрушённо признал: увы, подделка!.. Так что почвы для спора у о. Мэтью не нашлось.

Но Его Высокопреосвященство поторопился, слишком полагаясь на «лабораторные исследования».

Помню, когда в прессе заговорили о результатах радиоуглеродного анализа Плащаницы, согласно которым она была намного моложе, чем до того считалось, — дело было в конце 80-х, ещё при советской власти, и в советских газетах писалось об этом достаточно широко, — мой сосед-физик, если не атеист, то, по меньшей мере, агностик, сразу заявил: «Так ведь она же горела в пожаре! Ясно, что углерода в ней будет гораздо больше!». Вот именно. Дальнейшие исследования подтвердили вывод моего соседа: сегодня физики считают, что возраст Плащаницы вполне может составлять две тысячи лет.

Шарон об этом не знала? — Может быть; но доводов за подлинность Плащаницы и без того имеется достаточно, чтобы не спешить предпочитать им одно-единственное исследование. Сошлюсь только на состав, фактуру ткани и способ её выделки, на пыльцу растений соответствующего региона, на отпечатки монет, которые удалось различить в глазницах Погребённого, и, наконец, на то, что способ нанесения изображения так и остался невыясненным. И — самое впечатляющее: кто в Средние века, задолго до появления фотографии, мог бы догадаться изобразить именно негатив? Словом, как раз с научной точки зрения убеждённости Шарон в поддельности Плащаницы не выдерживает критики.

Она здесь выступает не как учёный, а как человек, пропитанный духом века сего, который отвергает воскресшего Христа и всё, с Ним связанное. Нет, как очередного «учителя жизни» — извольте! Она даже говорит о. Мэтью, дескать, неужели тебе мало ценить Христа как великого учителя нравственности? Зачем тебе непременно нужно, чтобы Он воскрес? — Действительно, зачем?..

Мне рассказывали, что французская газета «Лё Монд» («Мир») провела опрос среди интеллектуалов, заявлявших себя христианами, как бы они поступили, если бы было доказано, что Христос не воскресал?

И знаете, что отвечало большинство? — Что для них ничего бы не изменилось! Их идеалы остались бы прежними, они бы точно так же продолжали исповедовать добро, межчеловеческую солидарность, гуманизм и так далее... Один лишь Жан Гиттон, известный католический писатель, сказал,

что в этом случае он извинился бы перед своими читателями за то, что столько лет вводил их в заблуждение.

Когда мне рассказали про Жана Гиттона, я, естественно, примерил ситуацию на себя. И понял, что никакие доводы меня бы не убедили в том, что Христос не воскресал. Потому что подлинных, достоверных, «научных», если хотите, доводов на этот счёт попросту быть не может.

Нашли скелет, а на нём предсмертная записка Самого Господа? — Ну, и что? Вы хотите, чтобы я поверил, что готические соборы, Владимирский Образ, музыка Баха, Мать Тереза и всё остальное, чего не перечислишь и что появилось только вместе с христианством, возникло из-за каких-то придурков или мошенников? — Как бы не так! Гораздо проще мне поверить, что мошенниками были те, кто подложил этот скелет и сфабриковал записку. Если, как свидетельствуют Евангелия, врагам Христа хватило совести подкупить стражу, чтобы те лгали, будто бы тело Христа «украли ученики», то разве не могла бы их осенить идея заодно и тело подложить фальшивое? — Им даже распинать кого-то нарочно для этого бы не пришлось; римляне, как уже говорилось, распинали много, вполне возможно было бы подобрать подходящего бедолагу.

Так что, если вы хотите опровергнуть христианство, никакого скелета для этого будет недостаточно.

Впрочем, авторы фильма, надо отдать им должное, такой цели перед собой, оказывается, и не ставили! В конце всё благополучно разъясняется: открывается надпись, из которой явствует, что погребён здесь вовсе не Христос, а какой-то молодой христианин...

Но интрига на этом не заканчивается, и главный пафос фильма выражен, пожалуй, в его концовке.

На заднем плане фильма постоянно развивается политическая интрига: власти Иерусалима хотят стовориться с Ватиканом относительно признания Иерусалима столицей Израиля, а палестинцы всемерно этому препятствуют. Израильяне в лице очень энергичного мужчины, в русском переводе почему-то называемого «помощник атташе» (но полно мне, чем придираться к переводам, давно бы выучил английский да смотрел кино в оригинале), предлагают Ватикану в лице того самого кардинала со швейцарскими гвардейцами выдать им «кости Христа», подразумевается: «а дальше поступайте с ними, как хотите, а взамен...» — и кардинал не возражает. Разговор происходит по телефону, палестинцы его подслушивают, а потом дают прослушать запись о Мэтью. И тот понимает, что его прислали сюда не для того, чтобы он установил истину, но для того, чтобы любой ценою замести следы.

Это он и заявляет пославшему его кардиналу, вернувшись в Ватикан. И с этими словами снимает с себя воротничок-«колоратку» — знак принадлежности к духовенству. И в самых последних кадрах — Мэтью на фоне вдохновляющих пейзажей, что, очевидно, значит: Христу служить я буду, а вот Церкви — нет.

В этом — главный пафос фильма. От пошлого хэппи-энда с женитьбой на привлекательной вдове с двумя детьми создатели фильма воздержались — и на том спасибо!

Такое противопоставление веры и церковной иерархии не новость. Оно даже не с Лютера повелось, Лютеру просто повезло по сравнению с его многочисленными предшественниками. А в сегодняшнем мире, тем более, в протестантской по преимуществу Америке, такое отношение является как бы не господствующим. Вопрос, насколько оно обосновано?

Как правило, «протестанты», как и в случае с Лютером, протестуют против каких-то реальных злоупотреблений со стороны иерархии. Но значит ли это, что само по себе иерархическое устройство Церкви в принципе порочно? — Убеждён, что нет.

Если Церковь это Тело Христово, то иерархия его костяк, скелет. Наличие скелета может помешать в каких-то ситуациях, может оказаться даже фатальным при известных обстоятельствах: надо бы пролезть, да кости не пускают, надо бы дотянуться, а рука в нужную сторону не гнётся. Да просто шишку набить можно только на черепе, не было бы черепа, так ни шишки, ни боли! Поводов жаловаться на скелет найдётся в жизни у каждого!

И всё же наличие скелета даёт обладающему скелетом организму гораздо больше свободы и возможностей, нежели «бесхребетным» моллюскам. На уровне церковном это справедливо точно так же, как на биологическом. Поэтому в самых «вольнлюбивых» церковных общинах какая-то иерархия всё же существует; но там, где она достаточно развита, не заключают однополых браков, не одобряют абортов и не убивают стариков и немощных, прикрываясь красивым словом «эвтаназия».

Как раз благодаря возможностям и преимуществам скелета могут возникнуть злоупотребления, а также искушение отождествить скелет и тело: ещё не так давно для многих слово «Церковь» означало если не исключительно, то прежде всего церковную иерархию, а для кого-то такое отношение сохраняется по сей день. Авторы фильма, например, считают такое отношение естественным для ведущих функционеров иерархии. В самом начале кардинал в ответ на заявление о. Мэтью, что он готов послужить вере, возражает, что служить надо Церкви, поскольку вера и Церковь — одно и то же. А Церковь это, вестимо, иерархия...

Не знаю, много ли найдётся ныне кардиналов, которые бы так считали; прежде их было много.

Но худший способ исправить злоупотребления это отбежать в сторонку. Если бы все несогласные, как о. Мэтью, с гипертрофическим преобладанием скелета в организме Церкви — а такая опасность реально существует и в прошлом не раз осуществлялась — попросту благородно срывали с себя «колоратку», у нас бы не было ни II Ватиканского собора, ни обновления церковной жизни, невиданного со времён св. Франциска, да и католиков бы оставалось на земле не миллиард с избытком, как сегодня, а... — сколько там на целом свете «интегристов»? Наверное, хватило бы заполнить Ватикан и жить за счёт туристов?

А вокруг бы бушевали гей-парады, цвели однополые браки и сплошная белозубая «политкорректность», поскольку всех гнилозубых давно бы благополучно подвергли эвтаназии во имя «высоких идеалов свободы и гуманизма».

Вы сомневаетесь, что Церковь с её «скелетом» способна этому эффективно противостоять? — А вот *они* не сомневаются! И потому не только с яростью и озлоблением атакуют Церковь где только могут, но и стараются «оторвать» от неё самых лучших, самых благородных и самоотверженных, как тот же о. Мэтью. И, видимо, случается, что отрывают.

А между тем, как хорошо можно действовать, что значит, служить, с опорой на скелет, на иерархию, официальный титул главы которой *Servus servorum Dei* — «Слуга слуг Божиих»! Как замечательно послужили Мать Тереза, святой Франциск и тысячи, тысячи других, которым никакие злоупотребления не помешали! (А там, где нет таких злоупотреблений, поскольку нет такой авторитетной иерархии, то ведь и святости подобной, в общем, нет!).

Как хорошо могло бы получиться послужить и у тебя, отец Мэтью!

Но ты ушёл, служить придётся мне. Так не пеняй на результаты!

о. Анри Мартен